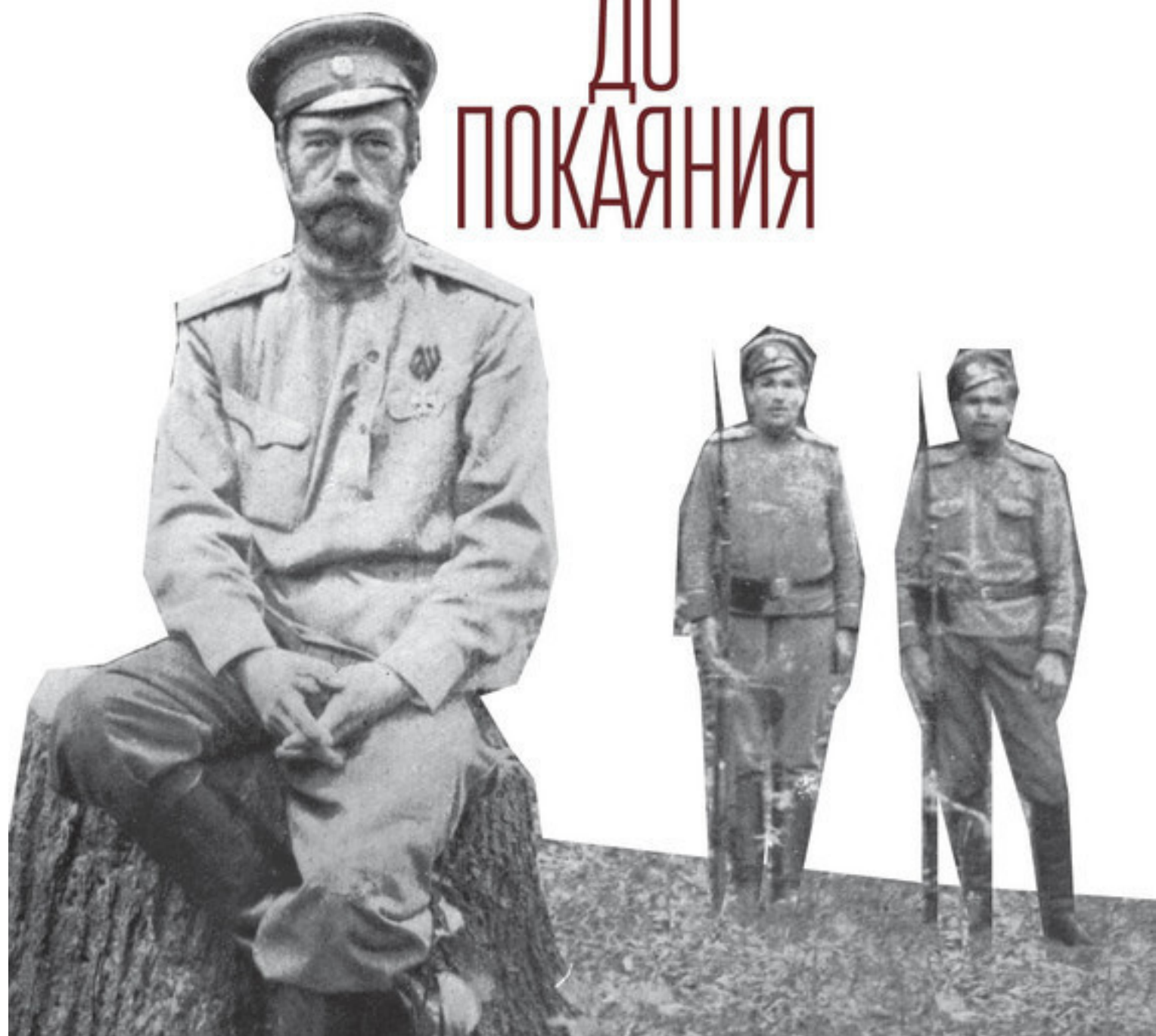

Ш А М И Л Ь К У Р Я Е В

—1917—

КАРА
ДО
ПОКАЯНИЯ

Шамиль Куряев

1917. Кара до покаяния

«Алетейя»

2017

УДК 94(48).081
ББК 63.3(2)52

Куряев Ш. 3.

1917. Кара до покаяния / Ш. 3. Куряев — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-47-9

Главной причиной гибели Российской Империи в 1917 году было катастрофическое падение престижа высшей власти. Слухи о «темных силах», обступивших трон, сплетни о царской семье, известия об измене при Дворе и тайной подготовке сепаратного мира стали спусковым механизмом Февральской революции. Но не все аспекты политической интриги, в центре которой оказалась трагическая фигура императора Николая, получили надлежащую историческую оценку. Антимонархические установки советской эпохи сделали невозможным их объективное изучение, и репутация последнего русского царя более ста лет оставалась «разменной монетой» в идеологических баталиях. Новая книга Шамиля Куряева отвечает на ключевые вопросы «марта 17-го». Была ли у «антиромановских» слухов реальная подоплека? Какие политические силы явились в той ситуации подлинными «тёмными силами»? Кто, в условиях Мировой войны, в действительности изменил и Отечеству, и союзникам? Нельзя мириться с живучестью старых мифов, мешающих восстановлению исторической справедливости и выявлению реальных агентов Русской Смуты.

УДК 94(48).081

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-906910-47-9

© Куряев Ш. З., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Часть II	25
Глава 1	25
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Шамиль Куряев

1917: кара до покаяния

*Клевета со стороны некоторых господ – такая же хорошая
рекомендация, как похвала со стороны других.*
Генри Филдинг

Введение

Власть должна быть персонифицирована, ибо нет и не может быть такой формы правления, при которой власть представала бы в образе безликого «общественного института». И ещё большой вопрос, где личность правителя находится под прицелом более пристального внимания, – в государстве монархическом, где власть последовательно передаётся очередному и заранее известному представителю династии, или в демократическом, где властью облекается публичный политик, в определённый момент снискавший наибольшие симпатии граждан. Нечего и говорить об откровенно диктаторских режимах, где личности Вождя «по должности полагается» занимать центральное место в сердцах и умах.

Хотя демократия, как известно, «сильна своими институтами», а любое – положительное или отрицательное – влияние персоналий при ней нивелируется, именно демократические режимы ждут от своих руководителей большего, нежели подданные от своего монарха, – больших государственных способностей, больших знаний, большей политической прозорливости. В отличие от наследственного монарха, лидер, «поднявшийся из низов», должен заведомо быть человеком выдающимся! Конечно, на практике это случается далеко не всегда – но всегда предполагается. А обнаружившееся отсутствие этих талантов влечёт неизбежное «падение рейтинга».

Поэтому нельзя сказать, что стрелы критики – её же никакая власть не избегнет! – больше язвят правителей «милостью Божьей», нежели правителей «волею народа». Напротив, монарх традиционно занимал в общественном сознании несколько привилегированное положение: его, как правило, «обманывают», от него скрывают правду, его отдалают от народа, «окружают недостойные» и т. п. Словом, можно констатировать, что монарх всегда был в значительной степени выведен из-под огня неизбежной критики правительственного курса.

Зато частная жизнь монарха и его личные качества – подлинная ахиллесова пята монархического государства. Именно с этой стороны монарх остаётся вполне доступным для критики, против которой у него уже нет «иммунитета». Традиционная закрытость царского двора – и даже законы «об оскорблении величества» – здесь не панацея! Ибо, «дозируя» объём подлинной информации, они в то же время способствуют возникновению слухов и сплетен, стремлению превратить всякую муху в слона. И в последнем случае общественное мнение будет к монарху даже более строго, чем к кому бы то ни было!

Дело тут не только в мистическом ореоле царской власти, в религиозном отношении к царю как к «помазаннику». Сам монархический принцип передачи власти делает личную жизнь монарха, его семьи и «ближнего круга», любые семейные тайны и проблемы, – вопросами государственного значения. И – потенциальным источником кризисов, смут и нестроений. Невозможно переоценить значение падения авторитета монарха, не монархии «как политического института», а именно – личного авторитета царя в деле крушения Российской Империи.

Именно с этой стороны Империи был нанесён роковой удар! Вернее даже – целая серия последовательных ударов... Первые были нанесены ещё «прижизненно», с очевидной политической целью. Последующие – уже «постфактум», в целях посмертной дискредитации монархии и ради собственного оправдания перед судом истории. Бесполезно спорить о реалиях дореволюционной России – и об их последующем отражении отечественной историографией, – не разобравшись предварительно с этой мусорной кучей, нанесённой к подножию российского трона.

Наглядный пример уязвимости частной жизни царской семьи – одна из многочисленных сатирических карикатур

Часть I

Чужая кровь

*Смерть да жена – Богом суждена.
Русская пословица*

Глава 1

§ 1.1. Говоря о причинах, способствовавших крушению монархии в России, нельзя не отметить такой существенный фактор как оторванность правящей династии от народа. И речь идёт не о каком-то «духовном», «идейном» отрыве и прочих малопонятных вещах. Напротив, речь идёт о самой что ни на есть «земной», простой и понятной вещи, а именно – о постепенно нараставшем «кровном» отдалении российских императоров от своих русских подданных.

Здесь надо оговориться, что и в прежние эпохи, в Киевской Руси и Великом княжестве Московском, среди правителей лестным считалось получить в жёны какую-нибудь иностранную принцессу – будь то дочь английского короля, сестра золотоордынского хана или племянница византийского императора. Однако это были разовые случаи, долженствующие польстить княжескому тщеславию и подчеркнуть в глазах последующих историков «высокий международный престиж русских владык». Устойчивой практикой это не стало. Московские великие князья (впоследствии – цари) спокойно женились на своих русских подданных.

Если женитьба и связывала их с семейным кланом жены – извечный бич всех монархий! – то и кланы это были, по крайней мере, свои, русские. Вот вам и возжеленное единение царя с народом! – «подлинней» не бывает.

Можно допустить, что московским правителям просто не удавалось жениться на иностранных принцессах. Но безусловным фактом является то, что все восемь цариц династии Романовых были выбраны царями или для царей среди их собственных подданных. И в жилах русских царей текла русская, а не немецкая и не датская, кровь. И по-русски русские цари говорили без акцента...

Другим – не менее важным – моментом было то, что выбиралась русская царица из очень широкого круга «потенциальных претенденток», представлявших собой воистину всю русскую землю. И в правящую династию постоянно вливалась свежая кровь. Ибо «номенклатура» претенденток не была ограничена узкими рамками родовой аристократии. И это не было формальностью – русские цари охотно пользовались практически неограниченной «широтой» своего выбора.

Разумеется, речь не шла о том, чтобы правителю вся Русь жениться на крепостной крестьянке. На высокую честь стать царской женой могли рассчитывать лишь представительницы привилегированных сословий. Но это значило не так много, как кажется! Отец будущей царицы мог быть мелким служилым дворянином. Ведь если изучить биографии всех восьми русских цариц династии Романовых, то, к удивлению, обнаружится, что лишь одна из них (Мария Долгорукова, первая жена Михаила Фёдоровича) была дочерью князя. Остальные семь были довольно скромного (порой – очень скромного) происхождения и достатка.

Примечательно, что ещё со времён Ивана Третьего на Руси действовал такой специфический и «демократичный» механизм избрания царской супруги как смотр невест – когда

красивых девиц собирали в буквальном смысле со всей России и (после нескольких «отборочных туров») представляли царю. Судя по всему, именно этот способ считался на Руси предпочтительным. Ибо даже в тех случаях, когда у царя или его окружения уже была на примете определённая девушка – всё равно, хотя бы «для проформы» проводился смотр невест.

Примером такого вынужденного подчинения обычаю была первая женитьба Фёдора Алексеевича (на Агафье Грушецкой). Кроме того, с большой долей вероятности можно предполагать, что элементарно «соблюди приличия» при второй женитьбе Алексея Михайловича (на Наталье Нарышкиной) и женитьбе Ивана Алексеевича на Прасковье Салтыковой. Если это было именно так, а брак по любви представляется нам наилучшим вариантом, – то ещё более примечательна эта всеми признанная необходимость в подобной процедуре: выборе русским царём «лучшей в народе».

§ 1.2. Всё изменилось в 18-м веке. «Великий» Пётр, круто повернув русскую государственную ладью на Запад, «задал направление» для своих преемников и в брачном вопросе. Сослав законную русскую жену в монастырь и женившись на иноземной пленнице сомнительного происхождения и сомнительного поведения, он же начал старательно распахивать своих родственниц по захудалым европейским владетельным домам. Даром, что у многих его подданных и земель и денег было побольше, чем у этих «высочайших особ»!

Эта «ориентация на Запад» сохранялась и при преемниках Петра. Забавно, что впервые требование о «равнородстве» супругов было выдвинуто первой иноземкой на русском троне – императрицей Екатериной Первой, которая сама была не породистее дворняжки!

Окончательно же положение о «равнородстве» было закреплено только Александром Первым в 1820 году, – после чего наличие у претендента нерусской матери из какого-нибудь европейского монархического дома стало непременным условием для вступления на русский престол. Требование – по сути своей комичное. Хотя справедливости ради надо сказать, что требование «равнородства» супругов закрепилось к тому времени и в германских владетельных домах, столь милых сердцу Романовых.

Решение Александра Первого вызывает недоумение по нескольким причинам. Во-первых, родственники – родственниками, но... зачем следовать нелепым примерам? Только из-за того, что они «европейские»? Во-вторых, во многих европейских странах, более влиятельных, нежели германские микроцефалы, такого требования не было. В-третьих, у самих Ольденбургов, к Голштейн-Готторпской ветви которых принадлежал по отцу родоначальник всех последующих Романовых – Пётр Третий, такое требование не было закреплено. И в-четвёртых, именно в России требования к «равнородству» оказались наиболее строгими – даже более строгими, чем во взятых за образец германских государствах: в Германии в брачном вопросе высшая аристократия традиционно считалась «равнородной» представителям владетельных домов.

Однако преемники Александра Первого продолжали следовать по указанному им пути – аккуратно женясь на иноземных принцессах. Это привело к тому, что российские императоры стали «русскими только по паспорту». По крови же – этническими немцами, с всё более гомеопатической примесью русской крови.

Этот горестный процесс постепенной «европеизации» российских владык стоит привести полностью. Любимая дочь Петра Первого (от Марты Скавронской) Анна Петровна, по-видимому, была русской только по отцу – то есть на $1/2$. Её сын Пётр Третий был русским на $1/4$. Его сын Павел Первый (если опустить скандальную «салтыковскую» версию) был русским на $1/8$. Его сыновья Александр Первый и Николай Первый были русскими на $1/16$. Сын Николая Александр Второй был русским на $1/32$. Его сын Александр Третий –

на 1 /64. Его сын Николай Второй – на 1 /128. Несчастный цесаревич Алексей был русским лишь на 1 /256.

Такая брачная практика имела множество негативных последствий. Русская дипломатия получала тягостное обременение в виде необходимости учитывать интересы многочисленных «августейших родственников» (воистину – «бедных родственников» Российской Империи!) и их мелкие взаимные дразги и интриги. А взамен российский царствующий дом получал цесаревен (будущих императриц) иноземной выделки – не знающих России, чуждых всем её обычаям и традициям, не знающих русского народа. Да что там! – порой так и не выучивших толком русского языка... Приобретение это было весьма и весьма сомнительное.

Самое интересное – то, что этот обычай поздних Романовых никак нельзя считать «монархическим принципом». Строго говоря, к монархической форме правления (и даже конкретно – к введённой Павлом полусалической примогенитуре) этот установившийся брачный порядок прямого отношения не имел. Однако за него держались до конца: так, в очередной раз требования к «равнородству» при вступлении в брак членов императорской фамилии были ужесточены Александром Третьим в 1886 году.

Кстати сказать, с петровских времён Романовы и «по паспорту» стали какими-то сомнительными иноземцами с германскими корнями! – ибо, следуя нелепой моде бердичевских мещан, нарекли себя потомками «прусского короля Вейдевута».

§ 1.3. Брак императора Николая Второго имел столь печальные последствия для России и династии, что дал пищу для целого ряда конспирологических теорий. Вплоть до обвинений злокозненного «кузена Вилли» в том, что он – дабы погубить геополитического противника – нарочно подсунул «кузену Ники» порченную невесту...

Всё это, разумеется, досужие домыслы. Действительность была куда проще: порочная система рано или поздно должна была принести свои плоды! – для этого стоило лишь нескольким негативным факторам наслиться друг на друга. Такой «сочетанной травмой» стало последовательное вхождение в российский Царствующий Дом трёх европейских принцесс – Марии Софии Фредерики Дагмар Глюксбургской, Елизаветы Александры Луизы Алисы Гессен-Дармштадтской и Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской.

Датская принцесса Мария София Фредерика Дагмар (дочь короля Кристиана Девятого) была невестой русского цесаревича Николая Александровича (старшего сына императора Александра Второго). Однако после безвременной кончины жениха у неё устанавливаются близкие отношения с его младшим братом Александром Александровичем (будущим императором Александром Третьим). В результате брака с ним в 1866 году она становится цесаревной Марией Фёдоровной, а в 1881 году – после гибели Александра Второго – русской императрицей.

О супруге Александра Третьего принято писать в самых восторженных выражениях – «необыкновенно мила», «неизменно любезна», «царственно величава» и т. д. Такой она осталась в памяти современников, так же её оценивали и историки последующих эпох. Мария Фёдоровна действительно была очень приятной в общении, любезной и в высшей степени «светской» женщиной. Кроме того, она была прекрасной женой, и их совместная жизнь с Александром Третьим являет собой редкий пример взаимной любви и преданности.

Но исчерпываются ли этим обязанности императрицы? И если оценивать личность Марии Фёдоровны с точки зрения интересов её нового Отечества, то суд окажется более строгим. Не будет преувеличением сказать, что многие беды России и династии связаны именно с личными качествами предпоследней русской царицы.

Во-первых, Мария Фёдоровна никогда – ни в бытность невестой цесаревича, ни в бытность цесаревной, ни в бытность императрицей – не забывала об интересах родной Дании.

Переписка Марии Фёдоровны сохранила интереснейшие примеры её «дочерней помощи» своей родине. Здесь и потакание коммерческим интересам датских фирм («я хотел попросить мою милую Минни попытаться получить поддержку дорогого Саши в этом деле»; «посылаю Тебе письмо Титгена, чтобы Ты могла передать содержание дорогому Саше и попросить его протекции»). Здесь и куда более серьёзные вещи – вплоть до вмешательства в дела войны и мира («я иду к Вам как дочь к отцу, чтобы просить Вас употребить Вашу власть и смягчить те ужасные условия, которые жестокая власть Германии принудила папу принять»).

Во-вторых, Мария Фёдоровна – возможно, именно в связи с Датско-Прусской войной, повлёкшей отторжение от Дании немецкого Шлезвиг-Гольштейна, – всю жизнь питала ненависть к Германской Империи (которую не считала нужным скрывать). Нечего и говорить о том, какой вред причиняли отношениям двух великих держав – от которых зависел мир в Европе! – личные чувства урождённой датской принцессы. Нельзя исключать и того, что известное охлаждение отношений между Россией и Германией, последовавшее в начале 1890-х годов, отчасти объяснялось влиянием на Александра Третьего его супруги. Тот сам, как известно, был врождённым германофобом, а воздействие императрицы создавало, так сказать, «кумулятивный эффект»...

В-третьих, Мария Фёдоровна не справилась с главной задачей супруги российского императора. Хотя она и родила своему мужу четверых сыновей, но двое из них (Александр и Георгий) оказались нежизнеспособными и рано умерли (один – ещё во младенчестве, другой – в юности), а двое других (Николай и Михаил) – выросли на редкость безвольными и беспотанными людьми. Кстати, эту «вину» императрицы признавал и сам Александр Третий, не раз высказывая недовольство тем, что она «испортила породу». Характерно, что Мария Фёдоровна была одним из главных поборников дальнейшего ужесточения «брачных порядков» для членов императорской фамилии!

В-четвёртых, именно Мария Фёдоровна в значительной степени поспособствовала тому, что врождённые недостатки цесаревича Николая были усугублены его крайне неудачной женитьбой.

§ 1.4. Но у этой истории есть своя предыстория! Дело в том, что ещё в 1884 году брат Александра Третьего – великий князь Сергей Александрович – женился на немецкой принцессе Елизавете Александре Луизе Алисе Гессен-Дармштадтской, ставшей великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

О ней (так же как и об императрице Марии Фёдоровне) у нас принято отзываться только в восторженном ключе. Тем более что Елизавета Фёдоровна заслужила любовь и уважение своих новых соотечественников подвижнической жизнью, которую она вела после гибели супруга, а также мученической смертью от рук большевиков. Ныне она прославлена Русской Православной Церковью в лике святых.

Но главную (и роковую) роль в истории своего нового Отечества Елизавета Фёдоровна сыграла ещё в первые годы пребывания в России. У Елизаветы Фёдоровны (Эллы, как её звали все близкие родственники) была младшая сестра – Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса. Именно на свадьбе Эллы и Сергея Александровича юная Алиса впервые увидела цесаревича Николая. Во время очередного приезда Алисы к сестре (в 1889 году) между ней и наследником российского престола вспыхнула взаимная симпатия. Чему, надо сказать, усиленно способствовали Элла с супругом!

Однако Александр Третий и Мария Фёдоровна были категорически против такого союза. И у них были для этого все основания: во-первых, ими рассматривались совсем другие варианты женитьбы цесаревича; во-вторых, сама Алиса никак не подходила на роль императрицы (о чём следует рассказать особо).

Именно Елизавете Фёдоровне и её мужу принадлежала основная «заслуга» в том, что брак Алисы и Николая всё-таки состоялся. Именно они морально поддерживали влюблённых, укрепляя в их намерении (и даже проявляя в этом деле совершенно неуместную настойчивость!), они задействовали всех родственников (включая королеву Викторию), через них же шла зашифрованная переписка влюблённых.

Сложно сказать, какими соображениями руководствовалась Элла, устраивая этот брак. Было ли это искреннее желание устроить счастье двух влюблённых, против которых ополчились обстоятельства, или примешивался некий корытный расчёт – повысить собственный «статус», став сестрой императрицы? Очень может быть, что её побуждения были самыми бескорыстными (скорее всего, она думала только об интересах своей младшей сестры, желая устроить ей «блестящую партию»), – но русским от этого, как говорится, не легче...

Здесь со стороны всех августейших родственников была проявлена крайняя беспечность и безответственность. Давно известно, что высочайшие особы не вольны в своих чувствах. Известно это было и Александру Третьему, которому самому пришлось пренебречь чувством в молодые годы! Однако намерениям Алисы и Николая неожиданно поспособствовали изменившиеся обстоятельства. В начале 1894 года здоровье Александра Третьего резко пошатнулось, и он, находясь последние месяцы жизни в тяжелейшем состоянии, видимо, утратил присущую ему твёрдость и уступил настойчивости наследника престола.

Помолвка Николая и Алисы состоялась ещё при жизни Александра Третьего, а свадьба – сразу после его смерти. При таких трагических обстоятельствах гессенская принцесса Алиса стала русской императрицей Александрой Фёдоровной.

Глава 2

§ 2.1. Что же представляла собой последняя русская императрица? Прежде всего, это была тяжело больная женщина. Хотя она и стала супругой императора Николая Второго в весьма молодом возрасте (в 22 года), к этому времени она уже была инвалидом!

Болезни преследовали Алису с самого рождения. В детстве она переболела дифтерией в тяжёлой форме. У неё были очень плохие зубы. Непереносимые боли в ногах и пояснице мучили её на протяжении всей жизни. Считается, что они вызывались защемлением нерва, вызванного врождёнными изменениями позвоночника. Кроме того, Александра Фёдоровна страдала сильнейшими болями в области верхней челюсти. Обычно их объясняют невралгией лицевого нерва. Однако такие явления часто случаются при истерических припадках. А поскольку императрица была ярко выраженной истеричкой, нельзя исключать, что в данном случае природа недуга имела психический характер.

О том, что у «Алике» больные ноги, Николай знал задолго до женитьбы и упоминал об этом в своём дневнике. В мае 1894 года Алиса сама сообщала своему жениху из Англии: «В настоящее время мне нельзя пускаться ни в какие экспедиции – ни гулять пешком, ни ездить, можно «выезжать» только в кресле на колёсиках».

Невеста будущего императора «въезжала» на российский трон в инвалидном «кресле на колёсиках»! Можно быть уверенным, что в прежнюю эпоху такую «порченую девку» не допустили бы до «финального тура» смотра невест. И уж подавно – не позволили бы наследнику престола на ней жениться!

В последующие годы состояние Александры Фёдоровны только ухудшалось. Она постоянно страдала от сердечных приступов, аритмии и одышки. Императрицу мучили сильнейшие головные боли, опухали ноги. От нахождения в тёплом помещении у неё начинались приступы удушья. Страдала императрица и от тяжёлых аллергических реакций (на цветочные запахи, на металлы). Она не выносила резких звуков и яркого света. Впрочем, по поводу болезни сердца многие медики впоследствии высказывали те же сомнения, что и по поводу невралгии лицевого нерва, – усматривали в этом психическую причину.

Александра Фёдоровна целые недели проводила лёжа в постели. Прогулки она совершала, сидя в инвалидной коляске. Последнее даже не считалось в царской семье чем-то из ряда вон выходящим! Например, ещё на пятом году супружества (в марте 1899 года) Николай Второй отчитывался в письме матери: «Алике себя чувствует, в общем, хорошо, но не может ходить, потому что сейчас же начинается боль; по залам она ездит в креслах».

Не прибавляло императрице здоровья и её пристрастие к курению. Побороть эту дурную привычку она не могла и курила постоянно, отказываясь от курения только во время тяжёлых приступов («я себя скверно чувствую, так что даже несколько дней не курила»). Впрочем, пагубное пристрастие к курению было у гессенских принцесс семейной традицией – родная сестра императрицы Виктория постоянно курила с шестнадцати лет...

На большинстве сохранившихся фотографий Александра Фёдоровна запечатлена явно больной – сидящей на постели, на кушетке, очень часто – в инвалидном кресле-каталке. Иногда (не в самые худшие периоды, когда она могла передвигаться самостоятельно) – с палочкой. Особенно жуткое впечатление производят поздние фотографии, где в инвалидных каталках сидят рядом императрица и наследник.

А как можно было не обратить внимания на родственные связи невесты? Ведь мало того что Алиса и Николай были родственниками (в том числе – троюродными братом и сестрой) – это в монархических семействах дело обычное... Но как можно было закрыть глаза на то, что Алиса могла унаследовать от своей матери гемофилию?! Ведь о том, что эта болезнь свирепствует в семье невесты, все прекрасно знали: ещё до обручения с Николаем от гемо-

филии умер её старший брат Фридрих, а её старшая сестра Ирена вышла замуж и родила сына-гемофилика (потом – ещё одного).

Как можно было допустить такой брак наследника великой империи?! О чём думал Николай? О чём думали его родители? О чём думала Елизавета Фёдоровна со своим мужем? Похоже, что они понадеялись на русский авось. Как известно, все были жестоко наказаны за своё легкомыслие.

§ 2.2. Но ведь дело не ограничивалось одним только телесным нездоровьем! Почти все современники императрицы отмечали невысокие качества её души и ума: крайнее высокомерие, холодность, душевную чёрствость, чрезвычайную скупость (от которой приходилось терпеть даже ближайшим к ней людям – Распутину, Вырубовой...), нетерпимость к чужому мнению, – сопряжённые с необыкновенным самомнением, при крайней узости ума.

Эти неприятные черты принцессы Алисы отмечались ещё её гессенскими подданными («какое для Гессен-Дармштадта счастье, что вы от нас её берёте», – как сказал конфиденциально русскому послу Остен-Сакену гессенский обер-гофмаршал). В справедливости этих слов вскоре пришлось убедиться и русским подданным молодой императрицы. Отзывы о ней удивительно однообразны: «узкий и упрямый характер», «тупой, эгоистический характер и узкое мировоззрение». «Глупа и пуста», – вынесла впоследствии свой приговор невестке вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Тут так и хочется добавить: всё это верно, но о чём же вы раньше-то думали?!

Впрочем, что там отзывы современников! Всякий желающий может исследовать меру интеллектуального убожества последней русской императрицы самостоятельно – не полагаясь на пристрастные отзывы царедворцев. Достоверных материалов для этого более чем достаточно! Это, прежде всего, – многочисленные письма императрицы, адресованные Николаю, сестре Элле, королеве Виктории и т. д., а также её собственноручные записи в дневнике Николая. Всем её автографам свойственна пошлость и банальность выражений, узость и примитивизм суждений, абсолютное незнание реальной жизни (особенно – российских реалий), в сочетании с маниакальной страстью к поучениям и морализаторству.

Особенно тревожным симптомом было проявившееся у Алисы очень рано (ещё при жизни Александра Третьего) стремление давать Николаю указания политического характера и всячески «наставлять» и «направлять» его; «подстёгивать» (а фактически – подавлять) его волю и самолюбие: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи д-ру Лейдену и другому г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всём всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его (это – об Александре Третьем!) делать то, что нужно. И если доктору что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всём. Выявляй личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты».

Здесь, к слову, надо отметить, что сама Алиса не имела ни малейшего представления о политике и делах государственного управления. На всех её «политических» советах и рассуждениях лежит печать невероятной узости интеллектуального кругозора – свойственной, скорее, домохозяйке из небогатого мещанского дома, нежели Императрице Всероссийской. К русскому народу она на протяжении всей жизни относилась с таким участливым снисхождением (свойственным, надо сказать, многим европейцам!). Представления последней русской императрицы о России напоминали – по своей фантастичности – представления о ней американцев времён Холодной войны: «Здесь нет надобности прилагать какие-либо старания для завоевания любви народа. Русский народ почитает своих царей за божество, от которого исходят все милости и все блага». Ага, как же...

Собственный же «политический идеал» Александры Фёдоровны был весьма своеобразен (если только можно говорить о каких-либо «идеях» применительно к последней русской царице). Судя по всему, она видела такой идеал в самодержавии Ивана Грозного. Кстати, она даже приводила последнего в пример своему слабовольному супругу. Её письма Николаю полны специфических «политических» советов: «тебя должны бояться», «они должны, они должны дрожать перед тобой», «будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех» и т. п.

Но, к сожалению, она опоздала появиться на свет – так что ей не суждено было стать новой Марией Темрюковной. Слишком уж отличалась реальная Российская Империя и русский император Николай Второй от рисуемого её воображением сусального образа «Русского царства» и «самодержавного царя». Суть политических убеждений императрицы полностью выражена в её очередном письменном выговоре супругу: «Моего любимца всегда надо подталкивать, напоминать ему, что он император и может делать всё, что ему вздумается»...

Так что отсталая Россия и её косный император-ретроград опережали принцессу Алису – рождённую в Германии и воспитанную в Англии! – на триста лет. Как такое могло произойти?!

А самое парадоксальное – то, что это представление о ничем не ограниченной воле Самодержца непостижимым образом сочеталось у Александры Фёдоровны с полной личной безответственностью. Особенно ярко это проявилось во время болезни Николая Второго в октябре-ноябре 1900 года – когда император заболел брюшным тифом и почти месяц находился при смерти. В этой ситуации императрица препятствовала доступу министров к больному, но в то же время категорически выступала против предложений учредить регентство. И даже взялась было сама заниматься государственными делами! – отдавая указания министрам через своих фрейлин. При этом она искренне не понимала, почему «её личные дела» (болезнь мужа) кого-то интересуют. В память о том историческом эпизоде осталась целая библиотечка изумлённых воспоминаний, оставленных министрами, придворными и членами Царствующего Дома.

Однако в действительности никакого парадокса в этом диком сочетании претензий на абсолютную власть с абсолютной личной безответственностью не было. И последний пример является, скорее, не «загадкой», а разгадкой... Ибо в этом случае наиболее полно открылось то, что причину подобных «демаршей» со стороны императрицы Александры Фёдоровны следует искать отнюдь не в каких бы то ни было «политических убеждениях», «воззрениях» и «идеалах»!

Действительная причина лежала на поверхности. Именно ей объясняются и странные представления государыни о самодержавной власти, и её странное пристрастие к примитивным азартным играм (и – болезненная реакция на проигрыш), и тот примечательный факт, что за всю жизнь у неё не было ни одной умной подруги; сплошь – набитые дуры. Как видно, это и была та единственная среда, где Александра Фёдоровна могла чувствовать себя комфортно.

Глава 3

§ 3.1. Однако же телесные недуги, «промахи» по части души и ума – всё это, в конце концов, бывает со многими жёнами. Другое дело, что подход к выбору «царской невесты» должен был быть гораздо более строгим! Всё это – печально, но (за исключением гемофилии) не смертельно. Беда в том, что «история болезни» последней русской императрицы перечисленными хворями и недостатками не исчерпывается.

Последующие события российской истории принуждают затронуть такую деликатную тему как вопрос о психическом здоровье императрицы Александры Фёдоровны. И – так же как и в случае с прочими болезнями – все основания для такого рода беспокойства были ещё задолго до бракосочетания Николая и Алисы.

Определённые отклонения в психическом состоянии гессенской принцессы начали проявляться очень рано. Она с детских лет отличалась крайней замкнутостью, нелюдимостью, необычной стеснительностью. Возможно, в этом сказались драматические события её детства – смерть брата от гемофилии, смерть любимой матери и младшей сестры от дифтерии, переезд от овдовевшего отца к бабушке. Алиса всегда проявляла необыкновенную религиозность (совершенно несвойственную для ребёнка) и – что роковым образом скажется впоследствии! – выраженную склонность к мистицизму.

Кстати, о религии... С годами ситуация «на религиозном фронте» будет только усугубляться. Так, фрейлина императрицы баронесса Буксгевден – женщина, не отличавшаяся большим умом, но безусловно любившая Государыню (что и делает это её бесхитростное свидетельство особенно ценным!), – оставила совершенно потрясающую зарисовку о «глубине веры» Александры Фёдоровны, которая «всегда была убеждена в исцелении верой. Однажды в беседе с Ней я упомянула о случае, о котором узнала из газет: родители, чьи дети заболели дифтерией, не стали вызывать к ним врача, а доверились целителю. В результате дети умерли. Я выразила своё возмущение, заявив, что эти родители совершили настоящую глупость, хотя могли обратиться к самым современным медицинским средствам. Императрица же очень удивила меня, ответив: «Моя дорогая, всё дело в том, что они молились недостаточно усердно. Если бы их молитвы были истовыми, дети бы выздоровели!». Что и говорить, – «умно»...

Безусловно, подобные вещи должны были насторожить будущих родственников. Однако было бы несправедливо называть невесту цесаревича Николая «ненормальной». Потребовалось целое десятилетие, чтобы это стало правдой.

Проблема была в том, что молодая императрица с первого же дня своей жизни в России оказалась во враждебном окружении. И едва ли не главную роль здесь сыграла позиция вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Известно, что она была против брака Николая и Алисы. Но надо было раньше (и решительнее!) противостоять намерениям наследника. Дав же согласие на этот брак, следовало забыть всё своё прежнее нерасположение к невестке и постараться наладить с ней хорошие отношения. Это была её прямая обязанность – и как матери, и как императрицы. Однако Мария Фёдоровна и в этом случае оказалась не на высоте положения.

Почему так получилось? Многочисленные биографы и благомыслящие историки-монархисты постарались всё списать на «столкновение характеров» и «разность натур» двух императриц. Конечно, всё это имело место быть. Но только ли в этом причина? Не последнюю роль в том горестном «взаимоотчуждении» сыграло явное нежелание Марии Фёдоровны отойти в тень и уступить другой привычное место «первой леди» государства!

В своё время супруг Марии Фёдоровны Александр Третий якобы заметил вдове своего погибшего отца светлейшей княгине Юрьевской: «На Вашем месте я бы затворился в мона-

стырь, а не мечтал о балах!» Мог ли он предполагать, что его собственная жена поведёт себя не лучшим образом?!

При жизни Александр Третий был тем «сдерживающим фактором», который нельзя было проигнорировать даже его супруге. Их дочь, великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «На дворцовых балах Императрица была в центре внимания, в то время как Государь стоял в сторонке с хмурым и явно несчастным видом. В тех случаях, когда балы, по его мнению, слишком затягивались, Император принимался выгонять музыкантов одного за другим из бального зала. Иногда на подиуме оставался один барабанщик, боявшийся и покинуть своё место, и перестать играть. Если гости продолжали танцевать, Император вдобавок выключал ещё и свет, и Государыня, вынужденная склониться перед неизбежным, изящно прощалась с гостями, мило улыбаясь: «Как мне представляется, Его Величество желает, чтобы мы расходились по домам».

После его смерти никаких «сдерживающих факторов» не осталось: «После того, как острота потери притупилась, Мама снова окунулась в светскую жизнь, став при этом ещё более самоуверенной, чем когда-либо. Она любила веселиться; обожала красивые наряды, драгоценности, блеск огней, которые окружали её. Одним словом, она была создана для жизни двора. Всё то, что раздражало и утомляло Папа, для неё было смыслом жизни».

Так что суть конфликта свекрови и невестки была в том, что сама вдовствующая императрица ещё «не натанцевалась». Напомним, что этой «окунувшейся в светскую жизнь» весёлой вдове к моменту окончания траура было уже под полтинник...

Понятно, что такому светскому человеку, привыкшему блистать, трудно уступить первенствующее место и вести себя сообразно новым обстоятельствам! Хотя вообще-то ещё Пушкин использовал метафору: «И перед младшею столицей померкла старая Москва, как перед новою царицей порфиноносная вдова». Мало того! – смерть Александра Третьего предоставила Марии Фёдоровне возможность занять гораздо более высокое место, нежели прежде: «Поскольку Папа не было больше с нами, Мама чувствовала себя полноправной хозяйкой. Она имела огромное влияние на Ники и принялась давать ему советы в делах управления государством. А между тем прежде они нисколько её не интересовали».

Что уж говорить о дворцовой жизни и протокольных мероприятиях? Здесь Мария Фёдоровна присвоила себе роль полновластной хозяйки. Она добилась того, что царствующая чета даже жила в её резиденции (Аничковом дворце), при этом – не имея права вмешиваться в хозяйственные дела. У царственных супругов не было собственной столовой, и они должны были завтракать и обедать вместе с Марией Фёдоровной, восседавшей во главе стола. Вдовствующая императрица старалась руководить даже в вопросе выбора нарядов для Александры Фёдоровны! Во время официальных приёмов она непременно выступала вместе с сыном-императором, в то время как Александра Фёдоровна скромно шла позади, вместе с великими князьями.

Постепенно Николаю и Александре удалось несколько ослабить эту «опеку», но отношений между императрицами это не улучшило. Не улучшил разлад со свекровью и эмоционального состояния Александры Фёдоровны.

§ 3.2. Именно последующие годы супружества (внешне – вполне счастливого, по взаимной страстной любви) обернулись для Александры Фёдоровны чередой мучительных испытаний, вконец подорвавших её психическое здоровье.

Основная проблема заключалась в том, что она не могла выполнить первой и главной своей обязанности – родить своему мужу сына, а России – наследника престола. Несмотря на горячие молитвы супругов (и параллельно – обращение к разного рода юродивым и шарлатанам), у них рождались одни дочери. В 1895 году – Ольга, в 1897-м – Татьяна, в 1899-м – Мария, в 1901-м – Анастасия.

С рождением каждой следующей дочери росло отчаяние августейших родителей, раздражение вдовствующей императрицы и скрытое злорадство «великокняжеской фронды». Ведь отсутствие наследника в царской семье означало, что после смерти Николая престол должен перейти к его младшим братьям. Сначала «первым на очереди» был великий князь Георгий Александрович. Затем (после безвременной кончины Георгия) – великий князь Михаил Александрович.

Постоянные переживания Александры Фёдоровны из-за своей неспособности даровать мужу чаемого наследника обернулись в 1902 году крупным скандалом. На протяжении многих месяцев императрица считала себя беременной, не будучи таковой. В результате пришлось даже поместить в газетах официальный бюллетень по данному поводу. После этого инцидента в придворных кругах почти открыто стали говорить об Александре Фёдоровне как о сумасшедшей.

Однако главные испытания были ещё впереди. В 1904 году, в разгар неудачной Русско-Японской войны, императрица наконец родила долгожданного наследника престола – цесаревича Алексея. Радость супругов была недолгой, так как вскоре выяснилось, что Алексей Николаевич (как и следовало ожидать!) болен гемофилией. Надо иметь в виду, что в младенческом возрасте проявляются наиболее тяжёлые случаи гемофилии – поэтому цесаревич был обречён на раннюю смерть. Эта трагедия окончательно подкосила душевные силы императрицы.

Один из наиболее компетентных и добросовестных исследователей личности Александры Фёдоровны, колчаковский следователь Соколов (кстати, убеждённый монархист, питавший благоговейное чувство к царственным мученикам), говоря о душевном состоянии императрицы, был вынужден констатировать: «Конечно, всё это существовало до рождения сына. После же его рождения её истерия стала выпуклым фактом».

Собственно говоря, психическое нездоровье Александры Фёдоровны – установленный медицинский факт. На этом сходились и отечественные, и зарубежные врачи, осматривавшие императрицу. Признаки психического расстройства у Александры Фёдоровны отмечали Бехтерев, Фишер, Россолимо. Последний оставил особенно впечатляющее описание её психического состояния: «Я нашёл императрицу в состоянии животного ужаса. Никогда до этого не видав меня, она вдруг кинулась целовать мне руки! Никого не узнавала, постоянно рыдая. Просила, чтобы я вернул ей сына... Чепуха какая-то! Ведь наследник находился в соседнем, игральном зале. Я потребовал удаления больной из привычной для неё обстановки. Настаивал на клиническом содержании». Этот пункт особенно примечателен! – впоследствии аналогичные советы будут давать Николаю Второму некоторые его родственники. В конце концов был вынужден признать печальный медицинский факт и лейб-медик Боткин: «Теперь я, как врач, не могу считать Её Величество вполне нормальной».

Помимо мнения специалистов-медиков, есть масса аналогичных свидетельств со стороны людей, близко знавших Александру Фёдоровну на протяжении многих лет (например, камер-юнгферы императрицы Занотти, начальника дворцовой охраны Спиридовича). Примечательно, что в этом вопросе полностью сошлись мнения двух столь непохожих – и ненавидевших друг друга! – премьер-министров как Витте и Столыпин. Оба они считали императрицу Александру Фёдоровну психически больной. Витте писал, что император Николай «женится на хорошей женщине, но на женщине совсем ненормальной». Столыпин осторожно говорил, что «её намерения все самые лучшие, но она действительно больна».

Правда, в заключениях медиков речь шла об «истерии» – то есть болезни, приводящей к определённым патологическим изменениям в состоянии и поведении, но не к расстройству мыслительных способностей. Однако надо учитывать, что диагноз «истерия» (ныне не употребляемый) использовался врачами той эпохи для определения весьма широкого круга психических расстройств. При этом нельзя забывать о том, что некоторым истери-

кам свойственна болезненная, экзальтированная религиозность и патологическая внушаемость. Поэтому неудивительно то влияние, которое имели на Александру Фёдоровну советы и наставления проходимцев, сумевших произвести на неё впечатление и завладеть её волей!

§ 3.3. Болезнь имеет свойство с годами прогрессировать. В данном же случае ситуация ещё больше усугублялась бесконечными несчастьями, обрушивающимися на императрицу. Со временем это, по-видимому, окончательно расшатало её рассудок.

Вряд ли со столь решительным приговором согласится официальная психиатрия, однако многие высказывания и поступки Александры Фёдоровны трудно объяснить иначе. Например, в своём письме от 16 июня 1915 года она – взрослый человек (кстати, «доктор философии») – сообщает своему мужу-императору: «Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, которая предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне».

В письме от 9 сентября 1915 года она снова убеждает супруга в ценности своих советов: «Моя икона с колокольчиком (1911 г.) действительно научила меня распознавать людей. Сначала я не обращала достаточного внимания, не доверяла своему собственному мнению, но теперь убедилась, что эта икона и наш Друг помогли мне лучше распознавать людей. Колокольчик зазвенел бы, если б они пришли ко мне с дурными намерениями; он помешал бы им подойти ко мне». В письме от 4 декабря 1916 года она снова напоминает: «Вспомни слова мсье Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком».

Подобные откровения, во множестве рассыпанные в письмах императрицы, снимают с неё всякие обвинения. Такого человека просто нельзя ни в чём обвинять! – его можно только пожалеть... Императрица Александра Фёдоровна в последние годы жизни была человеком невменяемым, в буквальном смысле этого слова (то есть – не могущим нести ответственность за свои поступки).

Кстати, само по себе психическое расстройство императрицы никак не могло повлиять на дела управления! – ибо законодательство Российской Империи не предоставляло императрице никаких властных полномочий. Все её «управленческие функции» ограничивались руководством несколькими благотворительными учреждениями.

Проблема заключалась в том «неформальном» воздействии, которое оказывала Александра Фёдоровна на своего мужа-императора. Это не предусмотренное законом, но неизбежное влияние императрицы на политику, проводимую её царственным супругом, было изначально велико. Тут сказались многие факторы – и природное слабование Николая Второго, и его неподготовленность к управлению огромной империей, и отсутствие у него собственных политических взглядов (в сочетании с сильной волей и властолюбием императрицы).

С годами сила этого влияния только возрастала. Что признаётся решительно всеми современниками! И для этого тоже было много причин. С одной стороны – всё крепнущие взаимные любовь и доверие между супругами, постоянная забота Николая о здоровье и эмоциональном состоянии императрицы (всё более нетерпимой к возражениям, всё более погружающейся в бездну религиозного фанатизма...). С другой стороны – нарастающая отчуждённость между царской семьёй и её окружением.

Резюмируя, можно сказать, что Александра Фёдоровна изначально не годилась на роль русской императрицы и на всём протяжении царствования Николая Второго оказывала исключительно негативное влияние на его политику. Объективно – своему новому Отечеству она принесла только зло.

Но ни о какой субъективной «вине» говорить здесь не приходится. Она горячо любила своего мужа, искренне старалась быть хорошей женой и матерью. Те проблемы, с которыми пришлось столкнуться молодой принцессе, оказавшейся в чужой стране, – не уникальны.

Достаточно вспомнить Елизавету Баварскую. Однако именно к Александре Фёдоровне – которая вела себя (с моральной точки зрения) куда достойнее – современники и потомки отнеслись наиболее строго и даже пристрастно. И причину этого надо искать не столько в ней самой, сколько в «сопутствующих обстоятельствах».

Глава 4

§ 4.1. Неудивительно, что сплетни о царской семье начали распускаться уже в первые годы правления императора Николая – на фоне нарастающего разочарования либеральных кругов (из-за неоправдавшихся надежд, связанных с новым царствованием) и известного раздражения в аристократических сферах (главным образом, из-за неприязни к молодой императрице).

На этой почве произошло своеобразное разделение петербургского высшего света по «партиям». При этом те, кто были близки ко двору вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны или к влиятельному двору Марии Павловны (супруги великого князя Владимира Александровича), очень нелестно оценивали поведение, нравы и весь «стиль жизни» императорской семьи. Основным объектом злоречия являлась личность императрицы Александры Фёдоровны. В первые же годы царствования императора Николая в петербургском свете за ней закрепилось уничижительное прозвище «гессенская муха». Последовательное рождение в царской семье четырёх дочерей, при отсутствии наследника, – ещё больше разжигало придворные страсти и увеличивало великокняжеские амбиции.

Надо сказать, что в то время царская семья давала не слишком много «законных» поводов для пересудов и сплетен: вела скромный и уединённый образ жизни, была экономна и (по мнению знающих современников) расходовала на свои личные нужды едва ли не меньше, чем любое другое монаршее семейство. Даже допускавшиеся в ту пору к царской семье юродивые и проходимцы (типа мсье Филиппа) «знали свой шесток» и особо не лезли в дела государственного управления. И никто их ещё не пытался использовать в этой ипостаси (не считая выклянчивания подачек)! О тех знакомствах царская семья, пожалуй, ещё могла бы сказать: «Это наше личное дело».

Однако критике царской семьи это ничуть не мешало – ту же замкнутость и «несветскость» охотно ставили ей в упрёк. Конечно, вряд ли императорской семье пристало вести тот образ жизни, какой она вела. Он больше подходил буржуазному семейству средней руки, а не правителям великой империи. Высочайшим особам нельзя избегать известной «публичности». Но сами по себе эти привычки царской семьи вряд ли могли быть причиной неприязни. Зато несомненно, что при наличии таковой светскость и расточительность, подражание прежней (столь поражающей европейцев) «азиатской роскоши» петербургского двора – дали бы злословам ещё больше поводов для осуждения и пищи для сплетен.

При этом отношение к императору Николаю Второму в интеллигентских кругах изначально было презрительно-ироническим. Характерной иллюстрацией чему может служить стихотворение поэта Бальмонта «Маленький султан», написанное ещё в 1901 году, или известный фельетон «московского Фауста» Амфитеатрова «Господа Обмановы», опубликованный в газете «Россия» в 1902-м...

Тональность сатир резко изменили события Русско-Японской войны и Первой русской революции. В новых виршах Бальмонта из цикла «Песни мстителя» император уже не называется добродушно-пренебрежительно, как в своё время у Амфитеатрова, «Никамилуша». Там уже господствуют совсем другие интонации и другие образы: «царь-висельник», «убожество слепое», «кровавое пятно», «Николай Последний» и прочие перлы гражданской лирики.

Тем не менее, все вышеперечисленные эпитеты и «оценки», по сути своей, являются скорее площадной бранью в адрес политического противника, нежели порочащими слухами в точном смысле слова. Но они показательны именно этим бьющим в глаза «накалом ненависти» лично к императору, готовностью борцов с режимом использовать сколь угодно грязные приёмы. «Лишь бы большее язвило».

§ 4.2. К тому времени в окружении царя уже появился человек, чьё имя будет старательно «полоскаться» великосветской чернью с целью опорочить царскую семью. Это – дочь главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией Анна Танеева (после замужества – Вырубова). Она стала фрейлиной императрицы в 1903 году и была на протяжении последующих лет её доверенной подругой, одним из ближайших к царской семье людей.

Уже то, что Вырубова смогла стать подругой Александры Фёдоровны (и удержаться в этом качестве), пожалуй, даёт исчерпывающую характеристику её личности. Влияние её на Александру Фёдоровну – по общему мнению придворных (и некоторых врачей, осматривавших императрицу) – было исключительно отрицательным. Это – печальный факт!

Но интереснее другое: с именем Анны Вырубовой связана одна из самых скандальных выдумок, из всех, что были сочинены о царской семье. Ещё в межвоенный период в петербургском свете распространились слухи о «противоестественных отношениях» между Вырубовой и императрицей. Надо сказать, что большей глупости о столь религиозном человеке как Александра Фёдоровна (которая всю жизнь горячо любила своего супруга и родила ему пятерых детей) нельзя было придумать.

Можно долго рассуждать о природе чувств, испытываемых к императрице такой странной женщиной как Анна Вырубова. Тайна сия велика есть... Но то, что императрица о таких «чувствах» (если они и были), скорее всего, даже не подозревала, доказывает переписка между Александрой и Николаем – из которой следует, что августейшие супруги считали фрейлину безнадёжно влюблённой в... государя (что порой вызывало между ними понятные трения).

Однако сплетни – на то и сплетни, что не требуют никаких подтверждений и даже элементарного правдоподобия. Их прилежно фиксировала в своём дневнике главная петербургская сплетница генеральша Богданович, и ещё до Первой Мировой войны они успели проникнуть за границу. Такова уж сила сплетни. И – столь сильно было желание опорочить царскую семью! А ведь сами Николай и Александра не давали ни малейшего повода для столь гнусных подозрений (в отличие от советских вождей, многие из которых – как, например, нарком иностранных дел Чичерин, нарком просвещения Луначарский, нарком внутренних дел Ежов – своих «противоестественных пристрастий» особо не скрывали).

Кстати, о загранице. Именно за границей, в «родственной» Германии, аккурат к 300-летию дома Романовых был издан роскошный, богато иллюстрированный фолиант (почти в шестьсот страниц) под названием «Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го». Под видом подарочного юбилейного альбома читателям был предложен пасквиль – сочинённый, по-видимому, кадетом Обнинским (хоть фамилия автора и не была указана), – представляющий собой подлинную «антологию» анекдотов, сплетен и апокрифов об императоре Николае и его окружении. Особо интригующие сюжеты касались «династических тайн» дома Романовых – вроде категорического нежелания цесаревича Николая вступать на престол.

Общая направленность сего труда явствует уже из названия: нынешний российский самодержец должен оказаться «Последним». Распространение порочащих слухов о царе и царской семье как раз и должно было этому способствовать.

§ 4.3. Понятно, что в обстановке такого «пристального недоброжелательства» царской семье достаточно было сделать неверный шаг, хоть раз как следует «подставиться», – чтобы обрушить на себя лавину общественного негодования. И в конце концов повод для негодования представился... Да ещё какой! – настоящая находка для врагов Престола (коей суж-

дено было стать «знаменем» в руках оппозиции, её «боевым кличем»). Это – история взаимоотношений царской семьи с Григорием Распутиным.

Николай Второй впервые встретился с Распутиным в ноябре 1905 года. Судя по всему, первоначально тот особого впечатления на царя не произвёл (во всяком случае, следующий раз он увидится с царём только в июле 1906-го). Однако со временем его посещения царской семьи становятся регулярными.

Тут надо особо подчеркнуть, что Распутина царская семья – не на дороге нашла. Распутин с 1904 года приезжал в Петербург и успел стать «модной фигурой» в определённых кругах. В высших классах петербургского общества, утративших здоровое религиозное чувство, давно созрел спрос на такого «пророка из народа». И именно в этом качестве – как незаурядный, «высокодуховный» человек, опытный странник, – Распутин был презентован царской семье.

На беду, Распутин действительно пришёлся здесь «ко двору» – учитывая слабость царской четы (особенно императрицы) к разного рода «откровениям» и «чудесам», обострённую семейной трагедией: мучительной и неизлечимой болезнью цесаревича Алексея. То, что Распутин умел облегчать страдания наследника, подтверждается свидетельствами многих очевидцев (в том числе – недоброжелателей «старца») и почти никем из исследователей не ставится под сомнение.

Понятно, кем он стал после этого в глазах несчастной матери, психически неуравновешенной, от природы склонной к мистическим переживаниям, – святым человеком, благодетелем, «посланцем Божиим»! И если вспомнить, что Николай Второй сам был не чужд мистицизма (а кроме того, не обладая сильной волей, в значительной степени поддавался влиянию супруги), то не удивительно, что с годами и он подпал под обаяние личности Распутина.

Интересно, что на этом исключительном доверии со стороны царской семьи Распутин «держался» не только при жизни, но и после смерти – вплоть до наших дней!

Чувства, питаемые православными монархистами к личности Николая и Александры – как царственных страстотерпцев, прославленных Церковью, – ставят их в трудное положение в связи с распутинской историей. К сожалению, многих из них это затруднение толкает на ложный путь (вернее – на один из двух ложных путей). Первый заключается в провозглашении Григория Распутина праведником, достойным его венценосных покровителей (которого самого в пору канонизировать!). При этом все свидетельства о его пьянстве, интриганстве и распущенности объявляются клеветой завистников, «происками жидомасонов» и т. п. Второй – состоит в отрицании факта особой близости Распутина к императору и императрице и его исключительного положения при царской семье.

Порой обе версии уживаются в людских умах одновременно (сочетаясь в той или иной пропорции). По принципу: «да, был близок к царской семье, но и сам был не такой плохой, как расписывают». Или – «да, проходимец был, конечно, изрядный, но с царской семьёй виделся редко, а на государственные дела и вовсе влияния не имел».

Однако все эти «благие» предположения не выдерживают никакой критики. И аморальное поведение Распутина, и его близость к царской семье, и его причастность к назначениям заведомо негодных людей на высокие посты – подтверждаются огромным количеством свидетельств и документов, чья подлинность не вызывает сомнений. Это дневники Николая Второго, переписка императора с императрицей, журнал наблюдений негласного надзора, установленного за Распутиным полицией, воспоминания государственных деятелей и вообще лиц, близких к царской семье (и – безусловно ей преданных), а также их показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

Даже ближайшие «коллеги» Распутина – Анна Вырубова и Юлия Ден – впоследствии пытались всячески дистанцироваться от «старца» (хотя получалось у них это не очень убе-

дительно). Особенно комично в этой связи заявление «наивной» Вырубовой в её эмигрантских воспоминаниях: «Я всегда сожалела, что, если Распутина считали виноватым, его не судили, как следует, со свидетелями и т. д. Убийство же его – одна из самых тёмных страниц в истории русского общества, и вопрос о его виновности остаётся неразрешённым». Как же! – «неразрешённым»...

§ 4.4. Показательно, что борьбу с Распутиным начала не либеральная оппозиция, не революционеры и даже не падкая на скандалы «жёлтая пресса». Её начали «правые»! Борьбу с распутинским влиянием вели наиболее расположенные к Николаю Второму люди (мать императора – вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, родная сестра императрицы – великая княгиня Елизавета), наиболее преданные Престолу чиновники (Столыпин, Коковцов, Макаров и Думбадзе), правые публицисты (Меньшиков, Тихомиров, Новосёлов и Богданович), представители Православной Церкви (епископы Феофан и Гермоген).

Словом, первыми повели борьбу против распутинского влияния именно защитники существующего строя, а не его ниспровергатели.

Левая оппозиция с запозданием подключилась к «распутинской теме» и отставала в этом деле на полшага – примерно до 1912 года, когда сведения о сибирском проходимце (стараниями его врагов-монархистов!) достигли ушей думских лидеров и либеральных щелкопёров. Но вот *цели* у слуг Престола и левых оппозиционеров были разные... Можно смело утверждать, что сам факт появления Распутина возле трона лидеры оппозиции расценили как подарок судьбы. Ибо, как известно, – «чем хуже, тем лучше». Соответственно, реальную ситуацию надо было ещё и максимально «драматизировать», нарисовав картину пострашней.

В самом деле – у царей династии Романовых бывали «друзья» куда более жуткие, чем этот мужичок-бонвиван. И более отвратительные по своим личным качествам, и более опасные по силе своего влияния. Чего стоит один «собинный друг» Алексея Михайловича (Тишайшего) Никита Минин! Власти у этого «Великого Государя» было куда больше, чем у «нашего Друга». И зла от него, соответственно, – гораздо больше. А «дитя сердца» Петра Первого, полудержавный властелин Алексашка Меньшиков (положивший в карман несколько государственных бюджетов)? Или – курляндский дворянчик Бюрен (кстати, на сей раз действительно – любовник императрицы)?!

На фоне таких мега-воров и мега-злодеев скромный «возжигатель царских лампад» Григорий Распутин, живший большую часть времени в Сибири, со своей семьёй (которой, кстати, не оставил после себя огромных капиталов), выглядит бледновато. Недостаточность реального «негатива» сознавали сами оппозиционеры. В чём и расписались! – начав сочинять уже откровенные небылицы об отношениях Распутина и царской семьи. Если бы «хватало» подлинных фактов, не было бы нужды прибегать к явной клевете. Но – политический расчёт заставлял утрировать, нагнетать волну...

Характерно, что распространение «жареных фактов» о Распутине, Вырубовой и императрице имело все признаки организованной кампании. Лидер кадетской партии Милюков впоследствии – в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в августе 1917 года – цинично признавался: «Наружу мы сами вывели Распутина, когда Государственная Дума впервые о нём заговорила. Тогда это был первый скандал, который был публично устроен». Однако пика активности деструктивная деятельность российской оппозиции достигнет в последние годы существования Империи – в условиях Первой Мировой войны.

Часть II

Глупость или измена?

Я всегда замечал, что когда радикал увлекается империализмом, он заражается им в очень острой форме.

Уинстон Черчилль

Глава 1

§ 1.1. Годы Первой Мировой войны были отмечены не просто появлением новых слухов о царской семье, а буквально – их «выходом на качественно новый уровень»!

Вслед за кратковременной вспышкой патриотизма и трогательными сценами «единения царя и народа» (вызванными объявлением войны), после первых же военных неудач в обществе стало нарастать чувство недовольства. Чувство в какой-то мере справедливое, ибо российская власть (впрочем, как и власти других европейских держав!) не сумела уберечь свой народ от войны. Но слишком часто это «недовольство низов» – психологически вполне объяснимое – принимало откровенно нелепые формы.

Основным объектом нападок была, как и в прежние годы, императрица Александра Фёдоровна. В чём только её не обвиняли! В том числе – в чудовищном разврате (утверждали, будто она сожительствует с генералом Орловым, с адмиралом Саблиным, с офицерами гвардейского экипажа и т. д. ... Наследник престола Алексей Николаевич объявлялся «незаконнорождённым».

Очередной виток развития с началом войны получила «распутинская тема». Ходившие и ранее фантастические слухи о Распутине и царской семье в новых условиях приобретали поистине гомерические размеры – как в смысле масштабов их распространения, так и в смысле «запределности» сюжетов. Распутин, оказывается, сожительствовал не только с императрицей Александрой Фёдоровной, но и с её дочерьми. Причём – с ведома счастливой матери («ничего худого в этом нет, а если бы даже и случилось что-нибудь, то это было бы только большим счастьем»). Говорилось и о детях Распутина от царских дочерей. Впрочем, пересказывать все сюжетцы не имеет смысла...

Понятно, что эти гнусные домыслы не могли не ударить по личному престижу императора. Доходило до того, что появление Николая Второго в кинохронике вызывало глумливый смех. Например, сцена его награждения орденом святого Георгия сопровождалась комментариями публики: «Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием».

Наиболее часто возникающий при знакомстве с «распутинскими легендами» вопрос: какой дурак всё это сочинил?!

Однако в некоторых случаях «первоисточник» хорошо известен. Так, многие байки, получившие широкое хождение во время войны, были взяты из книги Труфанова «Святой чёрт» (просочившейся в Россию в машинописных вариантах к началу 1916 года).

Тут надо напомнить, что представлял из себя автор книги. Сергей Труфанов (в монашестве Илиодор) являл собой классический пример беспринципного авантюриста. Урождённый донской казак, пошедший в монахи. Религиозный харизматик (будучи иеромонахом, «творил чудеса», «изгонял бесов» и т. п. ... При этом – яростный черносотенец, убеждённый погромщик-антисемит. В то же время враждовал с местными властями. За свою деструктивную деятельность неоднократно подвергался наказаниям со стороны светской власти и церковным «прещениям». В конце концов официально отрёкся от Православной Церкви и

бежал за границу (спасаясь от уголовного преследования). После революции вернулся в Россию, предложил свои услуги большевикам, сотрудничал с ЧК. При этом – создал свою собственную секту, провозгласив себя «патриархом». Потом снова бежал за границу, где перешёл в баптистскую веру. Работал швейцаром в гостинице...

В своё время Труфанов был одним из ближайших друзей Распутина. Однако вскоре рассорился с ним и начал яростную борьбу против бывшего соратника. Считается, что именно Илиодор организовал в 1914 году покушение на Распутина; тот, раненый ножом в живот религиозной фанатичкой, с трудом выжил.

Скрывшись от уголовного преследования за границей, Труфанов и написал свой «анти-распутинский» пасквиль. По утверждениям царедворцев и работников департамента полиции, Труфанов сначала предлагал царской семье купить у него рукопись, но его предложение было отвергнуто – после чего началось нелегальное распространение книги в России. Вот из этого источника и были почерпнуты многие сюжеты!

§ 1.2. Самое смешное – то, что воспалённое воображение рассказчиков (особенно из простонародья) с лёгкостью необыкновенной валило всех «высочайших особ» в одну кучу.

Порой – сочетая несочетаемое! Например, объясняя присутствие при Дворе Распутина его сожительством с... вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной (которая, кстати сказать, была злейшим врагом Распутина и делала всё, чтобы удалить его от царской семьи). Впрочем, Марии Фёдоровне приписывались и другие, ещё менее правдоподобные «адальтеры» – со стареньким министром императорского двора Фредериксом и даже с покойным премьером Столыпиным.

То, что основную вину за распространённость подобных слухов нельзя возлагать на царскую семью (совершавшую порой досадные промахи и этим «подставлявшуюся» под критику), доказывает следующий примечательный факт. Как известно, русские императрицы традиционно заведовали различными благотворительными учреждениями. В условиях начавшейся мировой войны и Мария Фёдоровна (возглавлявшая Российское общество Красного Креста), и Александра Фёдоровна подошли к исполнению своих обязанностей очень серьёзно. Их заслуги в деле организации помощи раненым нельзя отрицать. Кстати, почти все сбережения царской семьи в годы Первой Мировой войны были потрачены на раненых!

Кроме того, императрица Александра Фёдоровна вместе со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной прошли курсы подготовки сестёр милосердия, после чего постоянно работали в военных госпиталях (не только ухаживая за ранеными, но и ассистируя при операциях). Младшие царевны, Мария и Анастасия, – слишком юные для ужасов операционной – были обязаны развлекать раненых солдат, читать им вслух, писать для них письма и т. п.

Казалось бы, такое самоотвержение со стороны императрицы и великих княжон должно было вызывать всеобщее восхищение, преклонение перед их моральным подвигом! Как бы не так! Даже их работу в госпиталях умудрялись истолковать «в негативном ключе». Вот типичный отзыв о царской семье (отображающий, естественно, не её моральный уровень, а моральный и интеллектуальный уровень рассказчика): «Старая Государыня, молодая Государыня и её дочери... для разврата настроили лазареты и их объезжают».

Стоит ли объяснять, что все вышеприведённые «факты» были абсолютнейшей ерундой (свидетельствующей лишь о глупости тех, кто в неё верил, и подлости тех, кто её распространял)?

Однако было бы неверно списывать всё на «неизбежность» появления подобных слухов «в силу объективных причин»: дикости простонародья (сочиняющего подобные истории) и низости его инстинктов. Ибо слухи эти возникали и распространялись – не всегда стихийно; и не столько в крестьянских избах, сколько в великосветских салонах... «В народ»

же их часто сознательно «запускали»! Так, известно, что на фронте слухи об отношениях императрицы и Распутина старательно распространяли «зем-гусары» (сотрудники политиканствующего Земско-городского союза).

Восприимчивость народа и армии к подобным выдумкам объяснялась, прежде всего, господствующими в обществе настроениями – усталостью от войны, растущим недовольством и, как следствие, готовностью поверить «всеми наихудшему». Но что касается сознательных дезинформаторов, то они действовали злонамеренно, преследуя свои политические цели – для реализации которых необходимо было расшатать российский трон!

§ 1.3. В обстановке Мировой войны в отношении ближайшего окружения царя высказываются и более серьёзные обвинения, чем столь близкое сердцу обывателя «морально-бытовое разложение». Это уже был более тонкий (и более опасный!) яд.

Давно ходившие в обществе слухи о необъятном влиянии Распутина постепенно становятся «общеизвестным фактом», не вызывающим сомнений. Это, так сказать, «распутинская легенда» в её дистиллированном виде – вера в то, что «Россией правит неграмотный мужик» (без выдумывания сложных придворных комбинаций, без «моделирования» в своём воображении тех или иных придворных камариллий...). Мол, царь-тряпка делает всё, что ему укажет Распутин. Царь с царицей – оба – «молятся на Распутина» и послушно выполняют все его указания.

Однако наиболее ходовым сюжетом (что неудивительно – учитывая скабрёзные слухи о Распутине и императрице!) стала версия о «царе-подкаблучнике», полностью подчинившемся своей жене, действующей в тандеме с Распутиным. Впрочем, иногда воображаемый властный дуумвират разрастался до триумвирата; с включением в него фрейлины Вырубовой.

Конечно, нет ничего наивнее утверждений тех чиновников и царедворцев, которые – из лучших побуждений, жалея память царственных мучеников, – пытались отрицать очевидное и доказать, будто Распутин (а уж тем более – Вырубова) «никогда не вмешивались в политику». Сохранившаяся переписка царской семьи полностью опровергает эту наивную «ложь во спасение». В письмах Александры Фёдоровны Николаю сплошь и рядом попадают такие, например, пассажи: «Она (Вырубова) очень жалеет, что ты не поговорил с Ним (Распутиным) обо всём, что ты думаешь, о чём совещался с министрами и какие намерен произвести перемены». Или: «Любимый мой, Аня только что видела Андроникова и Хвостова. Последний произвёл на неё прекрасное впечатление». Речь идёт о том, чтобы назначить Хвостова министром внутренних дел.

Соответственно, именно на эти моменты предпочитали делать основной упор все хулители Российской Империи – со времён Николая Второго и вплоть до наших дней! Бесконечно растиражированы цитаты из писем и телеграмм Александры Фёдоровны, содержащие «указания» Распутина по вопросам внутренней и внешней политики, назначения на руководящие посты и даже – ведения боевых действий на фронте. Всё это – с сопроводительными заклинаниями Александры Фёдоровны, вроде следующих: «надо делать всегда то, что Он говорит», «не слушайся других, слушайся только нашего Друга».

Характерно, что она требует от супруга, чтобы тот не просто «прислушивался» к советам Распутина, но и выказывал «послушание» ему: «Кто не выказывает послушания божьему человеку, не может ни в чём преуспеть, и мысли его не могут быть правильными».

Порой советы Распутина она прямо называет «приказаниями»: «Надо всегда исполнять Его приказания – они имеют глубокий смысл». При этом слушаться мужика обязан не только сам царь, но и его министры («вели ему больше слушаться нашего Друга, это принесёт ему счастье, поможет ему в его трудах и твоих»). С какой радости Император Всероссийский обязан подчиняться приказаниям пьяного мужика в письмах тоже объясняется: «Бог послал

Его тебе в помощники и в руководители». Вот так вот! – «в руководители»... И руководитель этот строг и взыскателен: «Он сделал выговор за то, что Ему своевременно об этом не сообщили».

Характерно и то, что писала Александра Фёдоровна о Распутине как о Боге – неизменно с большой буквы. По убеждению государыни, успех обеспечен всем, кто покоряется воле Распутина. Так, например, в счастливом будущем очередного (и последнего) министра внутренних дел она была вполне уверена: «Протопопов чтит Нашего Друга, и потому Бог будет с ним». С другой стороны: «Враги Нашего Друга – наши враги».

Порой Александра Фёдоровна пересылала Николаю жуткие каракули Распутина – чтобы тот руководствовался ими в своих действиях (например, составил на основании распутинских указаний телеграмму сербскому королю Петру). Присутствовало и религиозное отношение к личным вещам Распутина («заряжавшихся» от него святостью), что выражалось в следующих указаниях Александры Фёдоровны супругу: «Не забудь перед заседанием министров поддержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его гребнем». То есть – ещё один амулет, вроде её собственной иконы с колокольчиком... Сообщала она мужу и о том, с каким успехом «старец» изменяет погоду на фронте в интересах русских войск: «Она (Вырубова) сказала Ему о туманах. Он сказал, что отныне туманы мешать войскам больше не будут». Это уж, как говорится, вовсе – за гранью добра и зла.

Да! Все эти (и многие другие, им подобные) цитаты из писем и телеграмм императрицы – подлинные. Но, собственно говоря, что это доказывает? То, что Александра Фёдоровна на протяжении всей своей жизни окружала себя недалёкими и недостойными наперсниками? То, что в последние годы она окончательно лишилась здравого рассудка? Что в Распутине она видела «божьего человека»? Так это всё давно известно! Так же как и то, какое значение она придавала советам Распутина. Как и то, что она прилагала все усилия к тому, чтобы на руководящие посты попадали люди, близкие (или, как минимум, лояльные) «старцу». Известно и о специфических «смотреинах», которые она устраивала кандидатам на высокие должности: устраивались их встречи с Распутиным или Вырубовой – дабы те «оценили» достоинства претендентов. Впрочем, последнее – учитывая предыдущие пункты – было только логично.

Многие письма императрицы Николаю Второму производят при прочтении тягостное впечатление – это бессвязное словоизвержение сумасшедшего. Лучше всего суть деятельности Александры Фёдоровны в годы Первой Мировой войны выразила она сама в одном из писем мужу: «Мне хочется во всё вмешиваться». Что ж, такое бывает... Случай Александры Фёдоровны – как раз один из таких.

И именно по этой причине не имеет практического значения вопрос, занимающий чуть ли не ключевое место в работах многих исследователей эпохи: когда советы, содержащиеся в посланиях императрицы, были действительно распутинскими, а когда – её собственными? Это, безусловно, очень интересно! Но (учитывая психическое состояние императрицы) было не так уж важно – исходят ли эти советы от психически больной женщины, обуянной манией величия, или от безграмотного мужика (руководствующегося то ли своим «крестьянским здравым смыслом», то ли просьбами «подмазавших» его придворных карьеристов). Сама императрица, кажется, тоже не разделяла себя и Распутина – потому с полным основанием могла писать супругу в Ставку: «Будь властелином, слушайся твоей стойкой жёнушки и Нашего Друга».

§ 1.4. Вопрос состоит в другом. Как-никак, по закону Россией правил император, а не его августейшая супруга и не их личный «друг семьи»! Ключевым вопросом для истории является не семейная трагедия императора Николая (психическая болезнь жены), а проблемы государственного управления.

Следовательно, ключевым звеном в этой цепочке указаний «Распутин – Александра Фёдоровна – Николай Второй» является звено, соединяющее императрицу и императора. В какой мере Николай слушался этих указаний (неважно – Распутина или императрицы)? В какой мере он ими руководствовался? Находил ли он в себе силы противоречить им, поступать по-своему? Умел ли он отказывать своей супруге и противостоять влиянию её безответственного окружения (Вырубовой, Распутина и прочих)?

Слухи однозначно утверждали, что «царь-тряпка» полностью покорен воле этого негласного дуумвирата (или триумвирата). Об этом говорили солдаты-новобранцы, об этом же шептались в столичных салонах и кулуарах Государственной Думы. Французский посол Палеолог в июле 1916 года безапелляционно утверждал: «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным».

Однако подобное утверждение надо как-то обосновать. Палеолог – тот тёрся в оппозиционных салонах (одним из таких салонов и было французское посольство!) и повторял великосветские сплетни. Болтуны из простонародья для «убедительности» придумывали объяснения, доступные их уму. Мол, для того чтобы подавить волю Николая, царица и Распутин спаивают его; Распутин и Бадмаев свели Николая с ума с помощью «восточных зелий» и т. п.

Глупость последних «версий» очевидна. Николай Второй – при всех его недостатках – пьяницей никогда не был; вёл здоровый образ жизни (если не считать курения), любил спортивные упражнения и постоянно занимался физическим трудом. Для своего возраста Николай был вполне здоровым человеком. За исключением, пожалуй, его жалоб на боли в сердце в самые последние годы жизни – но это к пятидесяти годам бывает почти у каждого... Так что никто его ничем не «травил». Впрочем, подобные домыслы вряд ли заслуживают серьёзного опровержения.

А вот по принципиальному вопросу – следовал ли император указаниям жены и Распутина? – у критиков-разоблачителей начинаются заминки.

Судя по всему, к политической активности супруги Николай Второй относился, как минимум, двойственно. С одной стороны, просил «помочь» ему: «Подумай, жёнушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует?» С другой стороны, на получаемые указания и советы реагировал довольно иронично: «Нежно благодарю тебя за твоё милое письмо и точные инструкции для разговора моего с Протопоповым». Или вот: «Нежно благодарю за строгий письменный выговор. Я читал его с улыбкой, потому что ты говоришь, как с ребёнком». Вряд ли подобные ответы позволяют говорить о нём как о «безвольном рабе» своей жены.

Что касается авторитета Распутина в глазах Николая Второго, то порой он откровенно высказывал супруге свой скепсис по поводу его советов: «Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама знаешь, поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности».

Так что можно долго рассуждать на тему того, кем же считал Николай Второй Распутина – мудрым человеком из народа, понимающим побольше окружавших трон аристократов; единственным спасителем наследника; искренним молитвенником, которому посылаются откровения свыше? Ясно одно: в отличие от своей супруги, Николай не считал Распутина «рупором Бога», которому надо слепо повиноваться.

Что самое интересное – иногда в письмах Николая жене просматривается явное нежелание того, чтобы о военных планах узнавал «старец»: «Эти подробности только для тебя одной – прошу тебя, дорогая! Передай Ему только: папа приказал принять разумные меры». Видимо, окружение Распутина не внушало Николаю Второму особого доверия.

Часто советы («указания») Распутина (или императрицы) оставались Николаем Вторым без внимания. Иногда Распутин и императрица не могли добиться от Николая помощи

даже в мелком и сугубо «шкурном» вопросе – как в случае с призывом на военную службу единственного сына Распутина. Несмотря на слёзные просьбы Александры Фёдоровны! В конце концов она пристроила мобилизованного Распутина-младшего в свой санитарный поезд.

§ 1.5. Возможно, Николай порой даже тяготился присутствием Распутина возле трона. По крайней мере, в пользу этого говорят свидетельства некоторых близких к императору лиц: в своё время – Столыпина, впоследствии – Орлова, Самарина, великого князя Павла Александровича.

Проблема была в том, что Николай Второй не желал удалить от себя Распутина (а тем более – «поставить на место» императрицу Александру Фёдоровну). Кстати, «удалить» Распутина при находящейся на свободе Александре Фёдоровне было бы невозможно! Отослать же любимую супругу «в санаторий или в монастырь» (как предлагал в декабре 1916 года великий князь Николай Михайлович) император, разумеется, не мог. Просто – пытался сохранить статус-кво, по возможности саботируя те указания супруги и «друга Григория», которые не совпадали с его собственными намерениями...

К сожалению, это ему удавалось не всегда. Как с горечью писала Мария Фёдоровна в сентябре 1916 года своей сестре (английской королеве): «Алики вмешивается во все дела ещё больше. Ники находит верное решение, о котором даже сообщает, и вдруг делает наоборот. Остаётся лишь со страхом и ужасом ждать жутких последствий. Силы характера ему недостаёт, а он сам этого не чувствует».

Не надо забывать и о том, что собственные решения Николая – помимо всяких «безответственных влияний»! – часто бывали весьма неудачными. Такое сплошь и рядом случалось и раньше, задолго до появления Распутина. Причина этого была вполне банальна: невеликие государственные способности последнего российского императора. Подданным от этого, конечно, было не легче. Но то уже – совсем другая проблема! Оппозиция же предпочитала кричать именно о Распутине и императрице. Благо, выходило и броско, и доходчиво, и «инфернально»...

Так что главный вред «распутинщины» заключался не столько в «пагубных влияниях» Григория Ефимовича, сколько в той роли – красной тряпки для быка, – которую сыграло его имя в событиях 1915–1917 годов. То, что император, невзирая на всеобщее недовольство, продолжал держать такого человека возле трона (поддерживая этим самые гнусные слухи о своей семье) – было его роковой ошибкой.

И не надо всё списывать на «недостаток воли» Николая Второго. Ведь ему – по-хорошему – следовало бы пойти на совершенно нетривиальный шаг: выслать человека, которого боготворит императрица, и изолировать (под тем или иным предлогом) саму императрицу. Очевидно, что ничего подобного Николай делать не собирался! Напротив, он считал проявлением слабости любую уступку общественному мнению в этом вопросе. Его твёрдая позиция была не единожды озвучена им самим: «это дело семейное».

Нельзя забывать и о судьбе цесаревича Алексея, чью жизнь – как были уверены Николай и Александра – поддерживал именно Распутин. По-видимому, свой супружеский и отцовский долг Николай Второй ставил выше царского служения. Но нельзя не признать, что в его случае этот «конфликт интересов» носил на редкость драматический характер!

§ 1.6. Возвращаясь к теме слухов, надо отметить, что легенда о «царице и Распутине, отстранивших царя от власти», окончательно оформилась в 1915 году – когда император принял на себя обязанности верховного главнокомандующего и убыл в Ставку. По версии недоброжелателей, этот шаг был всецело внушён ему императрицей Александрой Фёдоров-

ной, Вырубовой и Распутиным – дабы отстранить Николая от реальной власти, убрать его подальше от столицы и забрать всю власть в свои руки.

Что характерно, версию о «заговоре императрицы» подхватили многие представители советской исторической школы – начиная с откровенных хулиганов-фальсификаторов типа Щёголева и вплоть до академика Авреха (который утверждал, что царица, Вырубова и Распутин в 1915 году фактически совершили государственный переворот). Ну ещё бы! Советские историки это любили. В 1907-м – «переворот». В 1915-м тоже – «переворот».

Интереснее другое – то, что эту старую байку старательно реанимируют сегодняшние представители жанра «Скандалы, интриги, расследования», например, Радзинский и Бушков.

У Эдварда Радзинского «душой заговора» оказывается императрица Александра Фёдоровна: «переворот во власти, который готовил Распутин, должен был произойти потому, что так хотела царица». Собственно говоря, основное содержание книги Радзинского «Распутин: жизнь и смерть» составляет описание хитрой и планомерной замены «не наших» (министров, обер-прокуроров и губернаторов) – «нашими» (угодными императрице, Распутину и Вырубовой).

Сколь-нибудь убедительных доказательств того, что этот триумvirат собирался всерьёз править Россией – вместо слабого, безвольного царя, – Радзинским не приводится. Даже в пресловутом «Том деле» (якобы купленном для него в своё время на аукционе «Сотбис» ныне покойным Растроповичем) нет серьёзных оснований для такого утверждения – по крайней мере, судя по цитатам из него в «Распутине».

Кроме того, сама история с «Тем делом» донельзя сомнительная! Где оно? Хранится в личном архиве у Радзинского, который его никому не показывает; один пользуется – цитирует по мере надобности? Кстати, многими Радзинский давно и небезосновательно подозревается в зависти к лаврам Щёголева и Толстого, с их «Дневником Вырубовой».

Показательно, что у Радзинского не только Распутин, но и Вырубова – «эта бедная Аннушка», по выражению императрицы, – оказывается полноценным «серым кардиналом» и членом теневого кабинета. Она, мол, всю жизнь только прикидывалась дурочкой. Главное доказательство – много пепла было обнаружено в каминах Александры Фёдоровны и Вырубовой после февральского переворота. Стало быть, жгли нечто очень серьёзное? И тут открывается безграничный простор для авторской фантазии!

Как говаривал другой известный исторический романист, Юрий Тынянов, «там, где кончается документ, там я начинаю». Приём, может быть, простительный для беллетриста, но не для историка!

§ 1.7. Конечно, вопрос о том, насколько была оправдана замена верховного главнокомандующего в 1915 году, остаётся открытым. Но можно однозначно утверждать, что назвать это событие «переворотом» нельзя ни с какой точки зрения! Если смотреть с формальной стороны, то увольнение с поста главковерха великого князя Николая Николаевича было обычным, предусмотренным законом, проявлением монаршей воли. В полной мере это относится и к возложению императором обязанностей верховного главнокомандующего на себя.

Особенно странно выглядит критика действий Николая Второго «с формальных позиций» в свете того, что в начале Мировой войны его критиковали именно за то, что он... не принял на себя верховного главнокомандования! Об этом в своё время говорили многие. В частности, великий князь Николай Михайлович ещё в августе 1914 года записал в своём дневнике: «Очевидно выбор Николая Николаевича Верховным главнокомандующим признаётся уже неудачным, а самому взять бразды сложного управления армиями признаётся ещё несвоевременным. Вот когда побьют, да мы отступим – тогда можно будет попробовать!»

Что и говорить, настроен автор по отношению к императору весьма критично; но суть не в этом, а в том, что данный шаг Николая Второго – возложение на себя обязанностей верховного главнокомандующего – не был чем-то «неожиданным». Напротив, многие его ждали (в том числе – убеждённые враги Распутина и императрицы Александры Фёдоровны).

Однако и поныне критики Николая Второго – принявшего на себя верховное главнокомандование в тяжелейшем 1915 году, в разгар «Великого отступления»! – корят его за трусость: «Когда началась война, ожидалось, что во главе Действующей Армии встанет монарх. То же самое предполагалось законодательной базой русской военной машины, но император Николай II... не решился на это». Так что же – выходит, отстранение царя от реальной власти «предполагалось законодательной базой русской военной машины»?!

Разумеется, замена великого князя Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего императором Николаем Вторым имела неоднозначные последствия. С собственно военной точки зрения эту замену вряд ли можно назвать «равнозначной». Николай Николаевич (при всех его недостатках, в том числе как военачальника) был, тем не менее, профессиональным военным с огромным опытом. А император Николай – даже возложив на себя обязанности главковерха – оставался в Ставке фигурой скорее представительной. Однако же командование Николая Николаевича закончилось тяжёлыми поражениями русской армии – «Великим отступлением» 1915 года. За последующие полтора года войны (при номинальном командовании Николая Второго и фактическом руководстве генерала Алексева) русская армия подобных катастроф не знала. А были и успехи.

Впрочем, собственно военные проблемы – состояние Русской императорской армии и её действия на фронтах Первой Мировой – мы сейчас не рассматриваем. А вот по поводу «политической составляющей» смены главковерха надо сделать ещё несколько замечаний. Ведь если посмотреть на замену верховного главнокомандующего не с формальной, а с фактической стороны, то тем более это будет не «переворот», а скорее – некая «превентивная мера»!

Как известно, Николай Николаевич получил в армии кличку «Лукавый» именно за чрезмерную жажду власти, сочетающуюся с личной непорядочностью и честолюбивыми устремлениями (заставляющими подозревать его в мании величия). Известно также, что Николай Николаевич был настроен по отношению к императору достаточно «оппозиционно», позволял себе откровенно фрондировать, а находясь на своём высоком посту – выходил за пределы полномочий верховного главнокомандующего (вызовы к себе в Ставку губернаторов, вмешательство в дела Совета Министров и т. п.). Характерно и то, что во время московских беспорядков летом 1915-го в среде погромщиков раздавались требования о возведении Николая Николаевича на престол.

Всё это вызывало понятное раздражение Николая Второго и его окружения и способствовало росту сомнений в лояльности «Верховного». Так что – если уж искать в решении Николая «политику» – это, скорее, было устранением зарвавшегося военачальника, покушавшегося на монаршие prerogatives.

Если же всерьёз поверить в намерения императрицы, Вырубовой и Распутина осуществить какой-либо «переворот» – то подталкивание ими Николая к наделению себя ещё и властью верховного главнокомандующего представляется полной нелепостью. Ибо в условиях большой войны именно Ставка была главным средоточием реальной власти! Кстати, «случись что» (по «классическому» сценарию дворцового переворота) – император, находясь среди своих войск, был бы даже в большей степени хозяином положения, нежели находясь в Царском Селе.

Расширительные же толкования термина «переворот» и вольные рассуждения на тему «фактического» захвата власти в тылу (путём проталкивания своих людей на руководящие посты) представляются несерьёзными. Все назначения на высшие должности производи-

лись исключительно императором. При этом – как уже говорилось выше – далеко не всем советам супруги и «друга Григория» он следовал.

Но «присвоение властных функций безответственным окружением» – это всё-таки слишком сложно. И – недостаточно страшно... Кто его знает? – может, иной простолудин сдуру подумает, что царице по должности полагается помогать своему мужу в управлении страной (как «второму человеку после царя»)! Поэтому в годы Мировой войны начал распространяться ещё более захватывающий слух. Императрице Александре Фёдоровне был приписан коварный замысел «стать новой Екатериной Великой» – то есть попросту свергнуть слабовольного супруга и править самой (то ли в качестве официальной регентши, то ли в качестве «вольной царицы»).

При этом по поводу регентства императрицы говорили всякое: то ли это будет регентство при недееспособном муже, то ли – регентство при несовершеннолетнем сыне (с возведением на престол цесаревича Алексея). Впрочем, некоторые нетерпеливые авторы доходили до того, что в своих рассказках «назначали» Александру Фёдоровну действующей регентшей! Убеждая подданных Российской Империи в том, что они уже живут в условиях «официального», хотя и негласно оформленного регентства. Иногда, для пущей пикантности, в качестве второго официального регента добавляли... Григория Распутина!

Остаётся непонятным, почему не было слуха о новом замужестве императрицы и возведении Распутина на престол под именем Григория Первого.

§ 1.8. В этой ситуации многие ответственные лица Империи оказались не на высоте положения – то ли боясь бороться с расползающимися слухами (что, вообще-то, в условиях мировой войны делали все воюющие державы...), то ли искренне не придавая им должного значения.

Например, начальник канцелярии Министерства императорского двора Мосолов в письме министру двора Фредериксу писал буквально следующее: «При настоящей нервности как печати, так и общественного мнения, всякая репрессивная мера придаст нежелательную важность этому делу и только укрепит предположения о регентстве Государыни-Императрицы». Это то же самое, что сказать: в условиях войны наказывать за публичное обвинение своего верховного главнокомандующего в государственной измене – «неразумно» (так как «именно из-за этого» все и уверятся в том, что главнокомандующий – изменник!). Впрочем, об измене речь ещё впереди.

А может, генерал Мосолов просто не находил возможным относиться к подобным «предположениям» иначе как к бреду сумасшедшего? К сожалению, этому бреду в Российской Империи верили многие. Активно эксплуатировали эту тему и в годы Советской власти – достаточно вспомнить много лет не сходившую со сцены пьесу «красного графа» Алексея Толстого «Заговор императрицы». Но тут удивляться не приходится: социальный заказ – есть социальный заказ.

Куда интереснее другое – этот бред активно реанимируется в современной России! Свой вариант этого бреда пропагандирует сегодня известный сказочник Александр Бушков. Не удовлетворяясь «умеренной» версией Радзинского (и ему подобных), в своей нашумевшей книге «Распутин. Выстрел из прошлого» он делится с читателями следующими соображениями: «Есть сведения, что в рамках этого заговора существовал другой, для ещё более узкого круга посвящённых. По этому плану предполагалось каким-то образом изолировать от дел и самого Николая, назначив регентшей Александру Фёдоровну! Это опять-таки чрезвычайно похоже на правду – учитывая вялость и бесхарактерность царя и волю и энергию царицы».

Почему это «чрезвычайно похоже на правду»? А, видите ли, Манасевич-Мануйлов (известный враль и авантюрист) впоследствии утверждал, будто Распутин был невысокого

мнения о деловых качествах царя и хотел бы, чтобы власть была в руках царицы. Это раз. Кроме того, председатель Госдумы Родзянко (один из главных заговорщиков – «февралист») написал в своих мемуарах, будто в декабре 1916-го великая княгиня Мария Павловна (известная интриганка) предлагала ему убить императрицу Александру Фёдоровну. Это два. Ну и наконец, на протяжении декабря 1916-го – января 1917-го многие отмечали переживаемый Николаем Вторым сильнейший душевный кризис. Потери на фронтах не могли его смутить (царь отличался полнейшим равнодушием к чужому горю). Значит, проблемы были сугубо личного свойства. Но ведь даже впоследствии, после отречения, он был куда веселее! Стало быть, те проблемы были посерьёзней, чем последовавшая революция? Это три.

Отсюда вывод: «Быть может, «заговор Распутина» всё же был? Точнее, «заговор Александры». Что на это скажешь? – всё может быть в нашем подлунном мире... Но всё же не Александра Фёдоровна предлагала Родзянко убить царя (или хотя бы Марию Павловну). Наоборот – это её предлагали убить заговорщики! Да и как можно верить на слово Родзянко? А – Манасевичу-Мануйлову?!

И все эти «факты» щедро обставлены авторскими оговорками: «конечно, нет стопроцентной уверенности, что всё именно так и обстояло», «детали так и останутся тайной», «чертовски трудно разобраться в хитросплетениях этих дней, свидетели противоречат друг другу, виляют, недоговаривают», «Курлов вопреки своему обычному стилю откровенно крутит и подпускает тумана, так что решительно невозможно понять, что же, собственно, тогда происходило».

Однако конечный авторский вердикт таков: «но, повторяю, всё это чрезвычайно похоже на правду». Нет! – повторим – всё это чрезвычайно похоже на бред!

§ 1.9. То, что против Николая Второго составлялись многочисленные заговоры (в думской, военной и даже великокняжеской среде), хорошо известно. Возможно, какой-то из этих вариантов заговорщики попытались бы осуществить на практике – если б все карты не смешали февральские беспорядки в Петрограде.

Но вот то, что «царь с царицей» сами ели друг друга как пауки в банке, – стопроцентная выдумка. Ныне известны и изучены те документы и свидетельства, которые не были доступны «науськиваемым» современникам: дневники и переписка Николая Второго, Александры Фёдоровны, их родственников, показания и воспоминания министров царского правительства. Все эти данные полностью опровергают предположения о «коварстве» Александры Фёдоровны по отношению к своему супругу. Она была безусловно верна ему – и как жена, и как подданная.

Что же касается назначений и увольнений периода 1915–1917 годов, то их можно, пожалуй, назвать бездарными действиями власти, «министерской чехардой» (по формулировке Пуришкевича) – но уж никак не «переворотом»! Как показал на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии генерал Климович: «Мне казалось, что какой-нибудь организации влияющей нет, – это хаос, полный хаос»...

Интересно и то, что Климович – как-никак, бывший шеф российской полиции, впоследствии неплохо себя проявивший у Врангеля в Крыму, – считал «средоточием вредных безответственных влияний» не Распутина, а Вырубову: «По-моему, в центре этого хаоса всё же стояла г-жа Вырубова. Это всё моё личное впечатление. К ней, потом, примазывались те, кому удавалось. В данном случае, удавалось немногим подойти; например – Мануйлову. Если не непосредственно к Вырубовой, то к Никитиной, к Распутину». Так что выделить какого-то всевластного «тайного правителя» в этой массе было невозможно! Ну, и самое главное: «Засим, то, что группировалось около Распутина, в широком политическом смысле, политических целей оно, несомненно, не преследовало, а скорей преследовало цели чисто извлечения личных выгод».

Кстати, этот вывод – скорее о «хаосе», нежели о чьём-то «всевласть», – лучше всего подтверждают не чьи-то (более или менее авторитетные) рассуждения, а простая констатация фактов! За период 1915–1917 годов (считающихся временем наибольшего влияния императрицы и Распутина) в России сменилось четыре премьер-министра, пять министров внутренних дел, четыре военных министра, три министра иностранных дел, четыре министра юстиции, четыре обер-прокурора Синода и т. д.

Если бы был какой-то реальный и всевластный «тайный кабинет» – то уж наверное он нашёл бы максимально удобных (и покорных) исполнителей. Однако же перманентный правительственный кризис продолжался на протяжении всей Мировой войны. Но, при этом, – никаких «переворотов»! Настоящий переворот произойдёт в феврале 1917-го – и будет направлен против всех сторон и участников этих мифических «переворотов».

Глава 2

§ 2.1. Понятно, что слухи об окруживших российский трон «тёмных силах» не сводились к рассуждениям о «неконституционности» действий, направленных на отстранение от власти законного монарха. «Подлинная цель» (которую якобы преследует придворная камарилья) была прямо указана. Именно это – ключевое! – обвинение в адрес царского окружения и явилось главной «информационной бомбой».

Но здесь надо будет сделать небольшое отступление. Дело в том, что роковое обвинение в государственной измене, брошенное оппозицией в адрес верховной власти, конечно же, не было «искренним». Чего не было – того не было! Но вот благоприятная почва для выдвижения подобных обвинений – своего рода «питательная среда» для их возникновения – была подготовлена всеми предшествующими событиями. Беда в том, что очень многие и на фронте и в тылу готовы были принять всю эту ересь за чистую монету.

Причиной было то, что в условиях тяжёлой, затяжной войны буквально все слои русского общества охватила искренняя – то есть стихийная, а отнюдь не «срежиссированная» кем-то – германофобия. От чего она, конечно, не становилась менее вредной и бесчеловечной... Яркими проявлениями этой вспышки германофобии, последовавшей сразу после начала Первой Мировой войны, стал разгром немецкого посольства в Санкт-Петербурге, крайне неудачное переименование самого Санкт-Петербурга в Петроград, запрет немецкой речи (под страхом крупного штрафа или тюремного заключения) и прочие патриотические благоглупости.

Справедливости ради надо сказать, что нечто подобное имело место быть и в других воюющих странах. Достаточно вспомнить смену фамилии английской правящей династией! – из Ганноверской превратившейся в Виндзорскую. Это то же самое как если бы Романовы вдруг переименовались в Зимнедворецких или Царскосельских.

Германофобские настроения в русском обществе значительно усилились в 1915 году, в период тяжёлых поражений русской армии.

Эта «антинемецкая истерия» 1915 года проявлялась двояко. Прежде всего – в форме ещё более обострившейся ненависти к немцам (ярким проявлением которой стал трёхдневный майский погром в Москве, сопровождавшийся убийствами). Одновременно официальными властями предпринимались шаги куда более серьёзные, чем эта «частная инициатива масс»: принудительное отчуждение земель у немцев, массовое увольнение немцев с предприятий, запрещение немецких фирм, закрытие немецких школ и газет. Планировалось даже выселение немцев Поволжья в Сибирь (приступить к которому собирались в 1917 году)! А кроме того, охватившая общество истерия проявилась в виде невиданной прежде вспышки шпиономании – главным объектом которой были, разумеется, немцы (хотя пострадали от неё не только они).

§ 2.2. В то же время приходится признать, что для этого стихийного озлобления имелись определённые предпосылки. Дело в том, что со времён Петра Первого и Анны Иоанновны в российских «верхах» было непропорционально много немцев. Этому преобладанию немцев возле трона в значительной мере способствовал уже упомянутый романовский обычай жениться на немецких принцессах и родниться с немецкими владетельными домами. Поэтому немцев было традиционно много в придворных кругах, в гвардии и в армии (особенно – на руководящих постах).

Надо сказать, что это было признаком известного неблагополучия! Нынешние попытки «толерантных» отечественных авторов объяснить всё «высокими профессиональными качествами немцев как военных» (видимо – и как придворных?) явно недобросовестны. Русские

– тоже хорошие солдаты. Приписать всему русскому обществу намерение оставить военную стезю и отдать её «на откуп» чужеземным варягам тоже не удастся. Тем более – карьеру в гвардии! Тем более – на руководящих должностях!

Безграничные перспективы, связанные с успешной военной карьерой, не позволяют рассматривать такое предположение всерьёз. Так что «немецкое засилье» нельзя считать досужим вымыслом русских шовинистов, выдумкой на пустом месте. Для этого «вымысла» имелись вполне конкретные основания.

Русские юноши шли в военные почти так же охотно, как немцы. Но вот в дальнейшем начинались странности... Стоит бросить беглый взгляд на старший офицерский и генеральский состав российской армии накануне Первой Мировой войны. Немцы составляли примерно 1/10 от общего числа подполковников. Видно, что военную службу немцы действительно любили! Любили настолько, что составляли более 1/7 от общего числа полковников! А вот в привилегированной когорте офицеров Генерального Штаба («кузнице кадров» высшего начальствующего состава) немцы составляли уже 1/6. Если же посмотреть на российский генералитет, то он был немецким более чем на 1/5. Что уже – явный дисбаланс, учитывая ничтожно малую долю немцев в составе населения Российской Империи!

С национальностью лиц, занимавших старшие и высшие командные должности, наблюдается примерно та же картина, что и с воинскими званиями. Точно такая же «перевернутая пирамида». Если от общего числа полковых командиров немцы составляли менее 1/8, то от числа дивизионных командиров – 1/4. Каждый четвёртый командир дивизии – немец! Что же касается высшего военного руководства – командиров корпусов, командующих войсками округов, начальников высоких штабов, – то здесь уже немцы составляли до 1/3 от общего числа военачальников!

Что – немцы лучше учились? «Средний немецкий офицер» учился в несколько раз лучше «среднего русского»? В несколько раз добросовестнее относился к исполнению служебных обязанностей? Или просто – был «в несколько раз более одарён», чем его русские сослуживцы?!

Истинная причина, наверное, всё-таки в другом. Это становится очевидным, если сравнить упомянутую долю немцев среди высшего военного руководства (1/3) с долей немцев среди командного состава привилегированной гвардии: тоже – 1/3. И с долей немцев в императорской свите: тоже – 1/3. Уж там-то особых талантов точно не требовалось! Главное – принадлежать к «нужному» клану, иметь сильную протекцию и уметь, в свою очередь, оказывать услуги сильным мира сего. Вот и вся наука.

Кстати, есть свидетельства того, что немцы откровенно выживали русских офицеров из некоторых «немецких» гвардейских полков. Так что отмахнуться от проблемы «немецкого засилья» невозможно – точно так же, как от проблемы роста шовинистических настроений во время войны.

§ 2.3. Но это же и доказывает всю нелепость обвинения российских немцев в поголовном «изменничестве»! Все эти немцы – военачальники русской императорской армии – были россиянами в нескольких поколениях. Здесь они родились, выросли, получили образование и здесь же делали карьеру (часто – весьма успешную). Их интересы были неотделимы от интересов России и от судьбы правящей династии.

Помимо этого, уже сам масштаб «немецкого присутствия» доказывает: если бы военнослужащие-немцы (или, по крайней мере, сколь-нибудь значительный их процент) были изменниками – русский фронт неминуемо бы рухнул уже в 1914 году. Так ведь мало того что «русские немцы» доблестно воевали на полях Первой Мировой! – даже впоследствии, после крушения Империи, многие из них показали себя с наилучшей стороны в годы Гражданской

войны. Однозначно – немцы в Российской Империи были «охранителями», а не разрушителями.

Тем не менее, страх перед немецким шпионажем – как некая рефлексорная реакция обывателя на военные поражения – вполне понятен. Но, помимо всех этих (будем считать их «объективными») причин массовой германофобии и шпиономании, сказывались ещё и субъективные влияния! Так, одним из главных разжигателей шпиономании в стране был великий князь Николай Николаевич. В этом направлении его деятельности отчётливо просматривается «шкурный» мотив: стремление переложить ответственность за военные неудачи (следствие его ошибок на посту верховного главнокомандующего) на подрывную деятельность шпионов и изменников. Одним из самых возмутительных эпизодов этой «охоты на ведьм» стало откровенно сфабрикованное дело полковника Мясоедова.

Но, в целом, шпиономания в русском обществе была вполне искренней. Даже без всякого искусственного «повышения градуса». Доходило до смешного. Тот же великий князь Николай Николаевич, видевший шпионов и предателей повсюду – например, в еврейском населении прифронтовой полосы, – сам не избежал обвинений в измене! Молва об измене верховного главнокомандующего распространилась ещё осенью 1914 года. Так что на «немца-изменника» в воюющей России образца 1915–1917 годов – достаточно было только показать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.